

556
477

К Р О К О Д И Л

ПОЛЮШКО-ПОЛЕ

Едут по полю герои...

Рис. Л. БРОДАТЫ

БУДУЕТ 1 МАЯ

ОБ ОДНОМ СОБРАНИИ

ЯСНОЕ весеннее утро... К слову сказать, это — то самое замечательное утро, на которое поэты израсходовали немалое количество ямбов и хореев.

Если мы сюда добавим небольшую порцию косых солнечных лучей, журчанье ручейка, чириканье птишек и нежный ветерок, лениво проносящийся над изумрудными верхушками деревьев, то вам станет очевидной вся картина, на фоне которой происходит описываемая нами сцена. На лужайке, окаймлённой с трёх сторон молодым лесом, расположились 12 месяцев года. У них сегодня собрание.

Председательствует самый уважаемый и любимый месяц — Октябрь.

Председатель: — Разрешите считать заседание открытым. (Аплодисменты.) Товарищи месяцы! Мы сегодня собрались сюда, чтоб в товарищеской среде приветствовать нашего юного и мужественного собрата — месяц Май. (Аплодисменты, переходящие в гром.) В его лице мы сегодня чувствуем Весну. (Новые раскаты грома.) Первое слово предоставим прешественику Мая, товарищу Апрелью.

Сентябрь (шопотом Июлю): — Будет много воды. На то и Апрель!

Март: — Прошу слова к порядку ведения собрания. Я — последний месяц первого хозяйственного квартала. Февралю, например, жилось тихо и спокойно. А я провёл свои дни в атмосфере штормовщины и авралов. До сих пор от этого шума у меня стоит звон в ушах. Я почти оглох. А посему прошу ораторов говорить громче.

Февраль: — Категорически протестую против того места в речи предыдущего оратора, где был брошен намёк на моё бездельствие. Не забудьте, что основные работы по пуску Днепрогэса были произведены в феврале!

Председатель: — Прекратите, товарищи, пререкания! Говорите, Апрель. Учите просьбу Марта.

Апрель: — В сегодняшней знаменательный день мне хотелось бы сказать стихами. Но хороших майских стихов что-то не видать. А потому буду говорить прозой. Товарищи! Май — это пора любви. Это — цветение садов. Благоухание ландышей и фиалок. А какие чудесные вечера в мае — озорная луна, хитро подмигивающие звёзды, голубое, прозрачное небо! Вот за это люди, в особенности молодёжь, так горячо любят Май. Я кончил.

Июль: — Я не против ландышей и звёзд. Я всецело за фиалки и луну. Но всё же я не совсем согласен с выступлением Апреля. Сейчас объясню. Если я ошибаюсь, меня товарищи поправят. Дело вот в чём, товарищи. Такую речь, какую произнёс Апрель, можно было с успехом произнести и тридцать и сорок лет тому назад. А где же сегодняшний день?

Январь: — Июль вполне прав. Когда под Новый год меня встречали, люди подымали бокалы и за любовь, и за цветы, и за голубое небо. Но этим они не ограничивались. Они провозглашали тосты за наши пятилетки, за мир среди народов, за весну человечества. Апрель умудрился забыть, что 1 Мая народы будут демонстрировать против реакции, против поджигателей войны. Так что одной сиренью и резедой тут не отделаешься.

Апрель: — Прошу не приписывать мне того, чего я не говорил. У меня были ландыши и фиалки, а не сирень и резеда.

Сентябрь: — Не вмер Гаврило... Типичное опровержение бюрократа.

Председатель: — Вы просили слово, Декабрь? Пожалуйста.

Декабрь: — Хотя мы с Маем и не сходимся характерами, но всё же я его голубо уважаю. Я уважаю его за 2-е и 9-е числа. (Голоса: — Bravo!) Второго мая свежий весенний ветер с Востока впервые колыхал алое знамя над рейхстагом в Берлине. Девятого мая навстречу весенним звёздам летят в небо огни салюта Победы. Вот почему, друзья, мы сегодня салютуем Маю! (Бурные аплодисменты.)

Сентябрь: — Старик Декабрь тепло сказал...

Август: — Прошу слова для справки. Напоминаю уважаемому собранию, что накануне 9 мая бывает 8 мая.

Сентябрь: — Он не лишен наблюдательности, этот Август!

Август: — Да, 8 мая! В этот день подписан в Берлине акт о безоговорочной капитуляции германской армии.

Июнь: — Шоксальку никто из ораторов не коснулся одной даты, я хочу коротко остановиться на ней. Я имею в виду 5 мая. День печати. Мы отмечаем, товарищи, в этот день ту печать, которую не может купить никакой Херст, никакой лорд Ротемир, печать, которая существует без объявления королей свиной тушонки и без рекламы сталелитейных магнатов. (Бурные аплодисменты.)

Апрель: — Прошу слова по личному вопросу.

Председатель: — По личному вопросу в конце заседания. Кто ещё хочет слова? Никто? Говорите, Апрель.

Апрель: — Товарищи, выступавшие здесь, правильно отметили, что моя речь была поверхностной и аполитичной. Я признаю свою ошибку.

Сентябрь: — Признать-то признал, но не до конца.

Председатель: — Слово получает товарищ Май! (Из-за облачка выплывает Солнце и, мягко улыбаясь, слушает оратора.)

Май: — Дорогие друзья! За мной прочно укрепилась репутация весёлого месяца. Этот жанр, товарищи, нелёгкий. Мне то и дело приходится отражать наскоки ханжей и лицемеров. Отцы-пустынники и тупицы непорочные обвиняют меня в том, что я потворствую влюблённым, что я сею смех и шутки, что я слишком увлекаюсь зеленью и цветами и что по моему прямому наущению Луна нашёптывает людям поэтические строчки, не согласованные с репертуаром. Я не отказываюсь от всего этого. Но пусть критики повернут беспристрастному разбору весь мой репертуар в целом, а не выхватывают отдельные строчки. Пусть они поступят, как люди, как настоящие люди! Сегодня на рассвете я побывал на нескольких заводах и в колхозах. Там готовят для меня и весёлые песни и яркие букеты цветов. Но на праздничные улицы люди выйдут не только с песнями и цветами, но и с плакатами, на которых написаны цифры трудовых побед. Вот почему я называюсь весёлым месяцем Май!.. Вы здесь, товарищи, отмечали некоторые мои числа. Это большие и радостные числа. Но вы все, все месяцы года, активно содействовали тому, чтоб мои дни зацвели праздниками. Спасибо, друзья, и особенно вам, родной Октябрь!

(Овация. Крики «ура!». Солнце заливает яркими лучами всю лужайку, лес, окрестности и блокнот автора этого отчёта.)

Г. РЫКЛИН.

Ивашкин
4-V-45
3-V-45
4-41 БЫЛ
Слава
русскому
народу
Платов
Сергей
Курск
Берлин
3/1/45
1054 км
От Москвы до
Берлина

Рис. Г. ВАЛЬКА

ТАК ПИСАЛАСЬ ИСТОРИЯ

К сведению некоторых господ с короткой памятью.

Весна на ЗАПОРОЖСТРОЕ

ВЕСНА — лучшее время года. Травка зеленеет. Солнышко блестит. И со всех концов страны устремляются на Запорожстрой мощные весенние грузопотоки.

И о каждом вагоне надо наводить телефонные справки. А вот попробуйте дозвониться!

Вы не знаете, как это делается? Мы вас научим.

Для начала следует покрутить ручку. Потом снять трубку.

— Запорожстрой? Дайте Запорожсталь. Если линия против обыкновения свободна, — дадут. Можете продолжать:

— Запорожсталь? Дайте Алюминиевый. Если телефонистка в хорошем настроении, — соединит. Можно идти дальше:

— Алюминиевый? Дайте Второе Запорожье.

Предположим, что вам повезёт и отстуда откликнутся. Тогда можно спросить:

— Вы кто?

— Я — Второе.

— Дайте железнодорожную станцию.

— За-ня-то.

Всё в порядке! Можно начинать сначала...

Вы крутите ручку и снова отправляетесь в весёлое путешествие по всем семи кругам телефонного чистилища. А в перерывах с умилением прислушиваетесь к чьему-то голосу за стеной:

— Запорожстрой? Дайте Запорожсталь.

(Пауза.) Алло! Алло! (Пауза.) Запорожсталь? Дайте левый берег. (Пауза.) Вы кто? Левая? Дайте правый берег. (Большая пауза.) Алло! Правая? Дайте желдорцех Днепростроя. (Очень большая пауза.) Желдорцех? Дайте Мостопоезд. (Средняя пауза.) Мостопоезд? Дайте девятый пост. Алло! Дайте... Что-о? Не туда попал? Ах, будь ты неладно!..

Учтите: в небольшом отдалении расположена контора Запорожстали. Того самого завода-гиганта, над восстановлением которого неустанно трудятся строители. И у железнодорожного цеха этого завода есть прямая телефонная связь со всеми станциями. Можно бы пропустить по тем же столбам вторые пары проводов для Запорожстроя — и делу конец.

Можно бы... Но загвоздка в том, что, кроме прямой телефонной связи, у железнодорожного цеха завода есть ещё начальник по фамилии Прудников. И начальник этот неизменно отвечает представителям Запорожстроя всё одно и то же:

— И не думайте! И не мечтайте! Я вас к своим столбам и близко не подпущу!

На строительной площадке в двадцать с лишним квадратных километров с каждым днём становится веселей. Полным ходом монтируются механизмы третьей домны. У слябинга восстанавливаются ножницы, ко-

торым предстоит резать огромную стальную плиту на мелкие кусочки — каждый по полторы тонны весом. На опалубке баггерной насосной отличаются плотники-кудесники Малышев и Лобов. А девятнадцатилетний бригадир каменщика-трёхсотница Аня Мартынова задорно покрикивает на двух остальных членов своей бригады — на папу и на старшую сестрицу:

— Шевелитесь, детки! Поворачивайтесь! Невдалеке от Мартыновой, у мощного подъёмного крана, стоит в величавом спокойствии бригадир такелажников Александр Николаевич Чепига. И неспеша подаёт команду:

— Давай, давай, да-вай! А ну, ещё раз, мальчики!

А большинству его «мальчиков» — за сорок...

Между стройкой и городом курсирует трамвай — «третья марка». Но на вопрос о намеченном способе передвижения здесь

отвечают обычно одним выразительным словечком:

— Навпростоць.

И, помняв про себя добрым словом городской совет, поясняют:

— Напрямик! Пеше! Так быстрее будет!..

Запорожские «марки» обращаются по путям с совершенно неопределёнными интервалами, но, как правило, не чаще, чем через час. А примерно на полдороге между городом и Запорожстроем есть однопутный отрезок пути длиной в четыреста метров. И трамвайные поезда по несколько раз в день съезжаются на этом отрезке лоб в лоб. И пассажирам приходится проводить большую разъяснительную работу среди вожатых. Потому что добром ни одна из высоких договаривающихся сторон осадить назад не хочет.

Бывают, впрочем, задержки и на двухколейном пути. Трамвай вдруг останавливается в непоказанном месте. Из вагона выбирается тётка с кошёлками. И сведущие люди констатируют:

— Вожатого знакомая до дому побрела. Вернётся — поедет!..

А время на Запорожстрое — горячее и дорогое. Но ценить его научились пока ещё не все.

Был, к примеру, недавно воскресник по отгрузке металлического лома из разру-

шенных немцами цехов. Рабочие, служащие, домашние хозяйки Запорожья нагнали за один день сорок вагонов. А потом эти вагоны торчали на запасных путях у копрового цеха, пока строители и эксплуатационники бились над роковым вопросом: кому разгрузить?

— Это ваша обязанность, — утверждали строители. — Мы вам металл для мартена предоставили — и хватит с нас.

— Мало ли что металл! — возражали со всем свойственным им красноречием эксплуатационники. — Воскресник ведь был не по сбору металла для нашего мартена, а по расчистке вашей строительной площадки. Вам, значит, и разгружать!

Этот жаркий принципиальный спор тянулся около десяти дней.

И всё же кипит, по-весеннему ладится работа в восстанавливаемых заводских цехах. Главный диспетчер Лубенец спешит завершить очередной инцидент с Запорожсталью. Начальник отдела технического снабжения Гинер грозит кому-то на другом конце провода:

— Не даёте? Окончательно? Запорожстрой не даёте? Ну, что ж, придётся опять телеграфировать в прессу!

Если уж зашла речь о прессе, надо сказать и о корреспондентах. Они нахлынули на Запорожстрой, как весеннее половодье, и действуют. Журналисты интервьюируют стахановцев и инженеров. Навьюченные аппаратами всех марок, фоторепортёры ищут фотогеничные лица и замысловатые «контржурны». Руководитель съёмочной группы Кинохроники Трояновский донимает заместителя главного инженера Кононенко неизменным вопросом:

— Что сегодня предстоит из объёмного?

— Да вот, — отвечает ему Кононенко, — будем ещё одну станину поднимать.

— Тяжёлую?

— По нашим масштабам — не очень. Но всё-таки: девяносто две тонны в воздухе!..

...Весна, весна! Зацветают вишни. По заново остеклённым окнам цехов и жилых домов бегают весёлые солнечные зайчики. В ласковом весеннем ветерке купаются кумачёвые флаги. Готовятся к выпуску — впервые после 8 марта — номера почти всех стенных газет. В конторках прорабов стрекочут пищащие машинки. И — слышите? — кто-то третий час страдает у телефона:

— Алло! Алло! Наконец-то! Вы кто?

— Я — Левая.

— А имя у вас есть, товарищ Левая? Как вас дома мама зовёт?

— Галей.

— Вот и чудесно. С праздником вас, Галочка! С наступающим Первомаем! Дайте мне, голубушка, Запорожстрой!..

С. ШЕВЕЛЕВ

Иллюстрации И. СЕМЕНОВА
(Специальные корреспонденты Крокодила).

Детская ручка

(ВЕСЕННИЙ РАССКАЗ)

— ЭТО непедагогично, — сказал папа.
 — Может быть, — сказала мама.
 — Не может быть, а наверное.
 — Не наверное, а может быть.
 — А я тебе говорю совершенно определённо, что это непедагогично.
 — А ты думаешь, когда ребёнок получает двойки, это более педагогично?
 Сражённый железной логикой мамы, папа некоторое время молчал, собираясь с мыслями. Обычно, когда мама и папа начинали спорить, Вася быстро надевал пальто и, стараясь как можно неслышнее хлопнуть входной дверью, убежал во двор. Это был наиболее благоприятный момент, чтобы незаметно улизнуть. Но на этот раз спор папы с мамой крайне заинтересовал мальчика, и он стал слушать дальше.
 — Это, конечно, непедагогично, — сказал папа, подумав, — но то, что ты предлагаешь, прости меня, просто глупо.
 — Почему? — с любопытством спросила мама.
 — Потому, — сказал папа.
 — Очень убедительно.
 — Убедительно — неубедительно, а уж это так.
 — Докажи.
 — Изволь. Что бы ты сказала, если бы я, гм, например, каждый раз, когда ты сварешь отличный суп, давал тебе в виде поощрения пять рублей?
 — Я бы сказала, что ты окончательно спятил.
 — Почему?
 — Потому.
 — Непедагогично?
 — Просто, извини меня, глупо. Во-первых, я не нуждаюсь ни в каких поощрениях, а во-вторых, тебе великолепно известно, что я всегда варю суп отлично.
 — Верно. Варишь отлично. А почему?

— Потому что это мне нравится. Наконец потому, что это мой долг.
 — Правильно. Так в чём же дело?
 — Это я тебя спрашиваю: так в чём же дело? Для тебя долг — быть отличной хозяйкой, а для него — отличным учеником.
 — Как ты странно рассуждаешь. То — я, а то — он. Я взрослый человек, а он мальчик, почти дитя.
 — Я не почти дитя, — с лёгкой обидой в голосе сказал Вася.
 — Тебя не спрашивают, — строго заметила мама. — Когда взрослые разговаривают, ты должен молчать и не вмешиваться. Так на чём мы остановились?
 — Мы остановились на том, что он почти дитя, — сказал папа.
 — Именно. Почти дитя. Поэтому-то его и надо поощрять.
 — Ну и поощряй сама. А меня в это дело не впутывай, потому что, повторяю, это непедагогично.
 — А я тебе говорю, что это педагогично.
 — Как угодно.
 — Да. Мне угодно.
 — В таком случае я отстраняюсь от его дальнейшего воспитания. Воспитывай его сама.
 — И буду воспитывать. Я знаю детскую душу лучше, чем ты. Вася, где ты? Что ты там делаешь?
 — Пальто надеваю, — сказал Вася, сопя.
 — Поди сюда. Уроки сделал?
 — Ещё не сделал.
 — Так куда же ты идёшь?
 — Гулять.
 — А уроки?
 — А уроки — вечером.
 — Хорошо. Как хочешь. Вечером так вечером, но имей в виду, что если...
 — А что? — встревожился Вася. — Выпирешь?
 — Нет, пороть я тебя, разумеется, не буду, — лукаво прищурилась мама, — но имей в виду, что отныне за каждую пятёрку ты будешь у меня получать пять рублей. Понял?
 — Понял, — деловито сказал сообразительный Вася. — И за пение тоже?
 — И за пение тоже.
 — Пять рублей.
 — Пять рублей.
 Глаза Васи ажно сверкнули:
 — А за поведение?
 — И за поведения. То же самое. Пять рублей.
 Папа иронически кмыкнул, но, вспомнив, что отстранился от дальнейшего воспитания сына, молча пожал плечами.
 Вася некоторое время напряжённо думал, сморщив лоб, на который опускалась совсем-совсем маленькая белобрысая чолочка, а потом спросил:
 — Каждую неделю?

— Что каждую неделю?
 — Получать буду каждую неделю или как?
 — Каждую неделю, каждую неделю.
 Вася ещё немного подумал:
 — А за четвёрку сколько буду получать?
 — Надо полагать, за четвёрку будешь получать четыре рубля, а за четыре с плюсом — четыре пятьдесят, — не выдержал папа и, фыркнув, вышел из комнаты.
 — Ладно, — сказала мама, — иронизируй, иронизируй. Посмотрим, кто из нас прав.
 — Так мне, мамочка, можно идти? — с редкой непоследовательностью сказал Вася.
 — Куда?
 — А гулять.
 — А уроки?
 — Уроки — вечером.
 — Ну, как знаешь. Только имей в виду: потом тебе же будет хуже. Учти это.
 — Учту, — сказал легкомысленный Вася и бодро побежал на улицу пускать кораблики.
 Описание серебристых ручейков, воробьёв, набухших почек и прочего, к сожалению пропускается ввиду острого недостатка места в праздничном номере журнала.
 Одним словом, Вася пускал кораблики, но мысли его были далеко. Сосредоточенно сморщив лоб, он хмурился и бормотал:
 — Пятёрка — пять рублей. Четвёрка с плюсом — четыре пятьдесят. Четвёрка — четыре рубля. Тройка с плюсом — три пятьдесят.
 И пухлые губы его деловито шевелились.
 И вот в один прекрасный день (описание одного прекрасного дня за недостатком места и за отсутствием у автора крупного изобразительного таланта пропускается) раскрасневшийся, ликующий Вася вбежал в комнату и торжественно бросил на стол перед мамой дневник, густо запачканный чернилами.

Л. Н. Толстой, как свидетельствует картина Репина, пахал.

А. Н. Толстой своевременно сдал свой «Хлеб»:

М. А. Шолохов трудился над «Поднятой целиной».

Писатель И. Я. Перекройщиков не сеял, не жал, но косил... глазом на чужие произведения и собирал с них обильный урожай.

— Давай восемнадцать пятьдесят, — задыхаясь, сказал он.

— Восемнадцать пятьдесят? — сказала мама, удивлённо подымая брови. — Какая странная цифра! Ты, наверное, что-нибудь перепутал. Не так подсчитал. Наверное, пятнадцать или двадцать.

— Нет, восемнадцать пятьдесят. Я хорошо подсчитал. Давай деньги. Ты обещала.

— Позволь, — слегка побледнела мама. — Как же это получилось?

— А так и получилось. Очень просто. Всю неделю старался. По письму кол — один рубль. По арифметике домашней двойка — два рубля. По арифметике устной кол — один рубль. По пению пятёрка — пять рублей. Поведение четвёрка — четыре

рубля. Прилежание двойка — два рубля. Рисование тройка с плюсом — три пятьдесят. Всего восемнадцать рублей пятьдесят копеек. Можешь проверить, честно заработал.

Папа хотел что-то сказать, но, вспомнив, что отстранился, молча рухнул на диван лицом вниз и затрясся от хохота. А у мамы глаза сделались совершенно круглые, а лицо побледнело, как бумага. Она дрожащими руками взяла мальчика за толстые, красные щёки, заглянула в его синие, простодушные глаза неутомимого работяги и с ужасом прошептала:

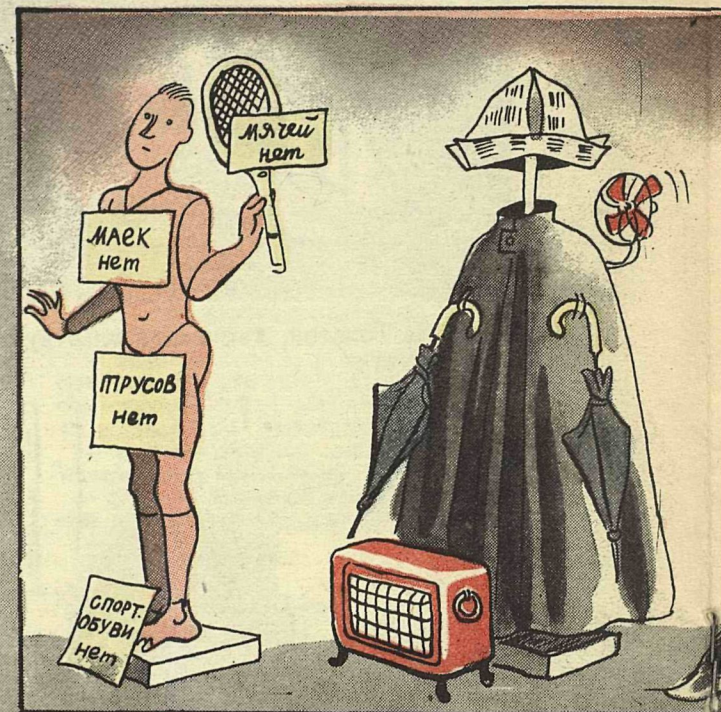
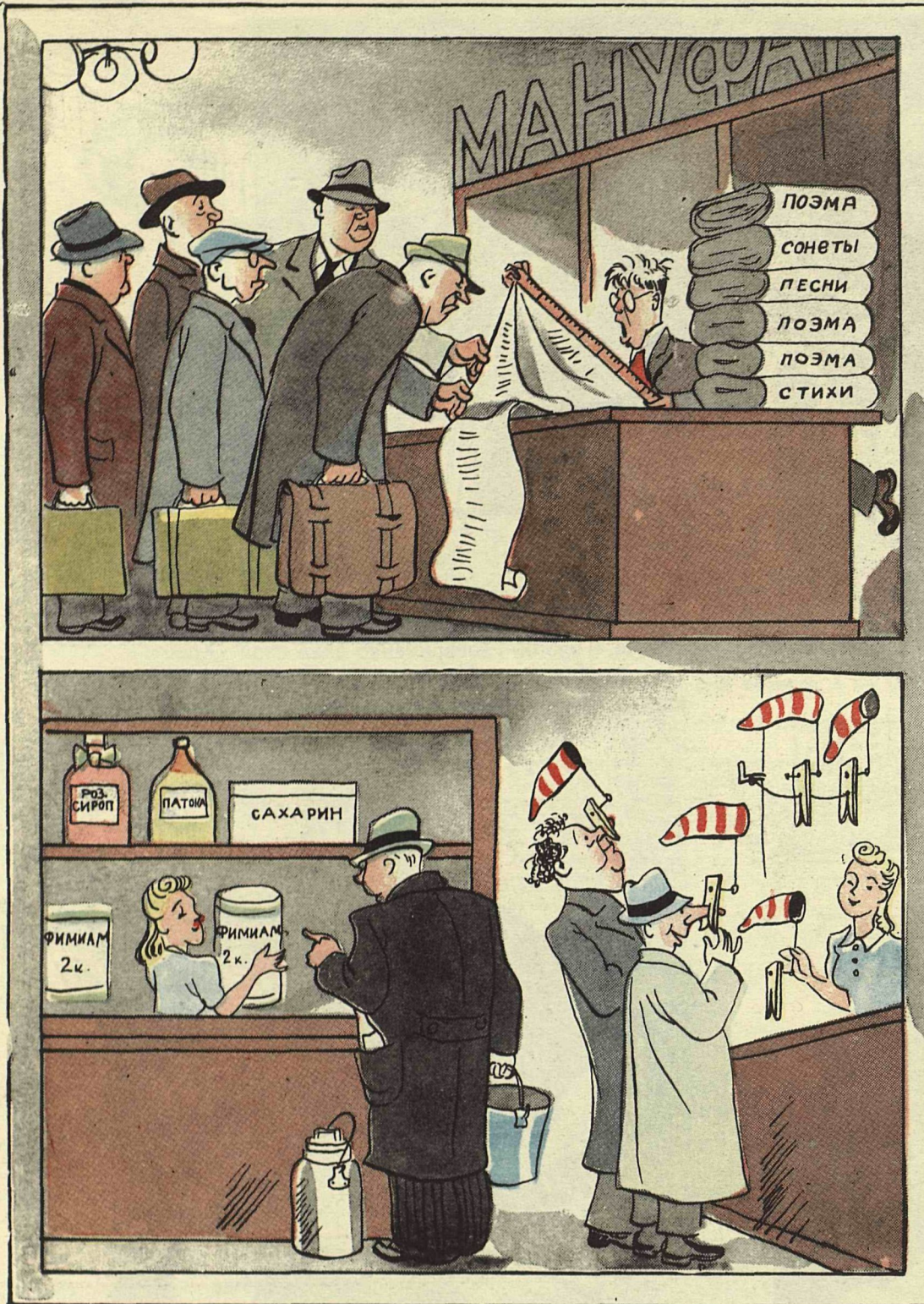
— Васенька! Мальчишка мой! Дружок! Как же это тебя угораздило? Солнышко моё!

— Я бы это солнышко с наслаждением отшлёпал! — простонал папа в подушку.

— Это непедагогично, — неуверенно пролепетала мама.

Одним словом, хотя автору и очень хотелось написать в первомайский номер солнечный, лирический рассказ, где бы большой, красивый отец, посадив на спину своего малютку, шёл на Красную площадь смотреть первомайский парад, но, к сожалению, не получилось.

На этот раз большой, красивый папа шёл на Красную площадь один, а малютка сидел дома и, размазывая по щекам слёзы, писал в арифметической тетради столбики.

Универмаг Крокодила широко развернул дешёвую распродажу весенних товаров. Бойко торгует отдел художественной мануфактуры. Здесь продают на метр (на любой метр и ритм!) остатки прошлогодних первомайских стихов. Много покупателей и в отделе парфюмерии. Запахи розового сиропа смешались здесь с ароматом ходового фимиама. Спрос на этот последний очень велик, особенно среди художественных критиков, один из которых пытается, как

видно на рисунке, закупить оптом весь фимиам. Тут же продаются усовершенствованные носодержатели для любителей держать нос по ветру. В отделе мод внимание покупателей привлекают костюмы: спортсмена, болельщика и особенно — костюм жены растратчика. Костюм этот сделан из материи, которая ни при каких условиях не садится, чего нельзя сказать о самом растратчике. Эту выставку последних моделей блестяще дополняют парадно-фасадный костюм для очковтирателя и спальные мешки для ночных сторожей.

Ироническая смесь

«ОТРАДНАЯ» ИСТОРИЯ

Поэт сочинил лучезарный сонет
Под нежным названием «Отрада».
О том, как сонет появился на свет,
Сия повествует баллада.

Поэт был к творениям ближнего строг,
Другим не прощал недоделанных строк,
Но был он, однако же, втайне
К себе снисходителен крайне.

Он стиль уважал своего лишь письма,
И, вследствие этих воззрений,
Поэт полагал, что талантлива весьма
И даже законченный гений.

Являясь в редакции, он оставлял
Калоши и совесть в передней —
Сонет свой пристроил он в толстый журнал,
И в детский, и в тонкий, и в средний.

Потом, подкрепившись питаньем и сном,
Он так повернул обстоятельства,
Что вышел сонет в альманахе лесном,
В районном листке, и в листке областном,
И в прочее послан издательства.

И даже прошёл по столице слухом,
Рождённый каким-то нескромником,
Что этот в четырнадцать строчек стишок
Выходит наднях однотономником!

Я. САШИН

ЭПИГРАММЫ СЦЕНАРИСТУ

Ты много времени напрасно потерял —
Сценарий твой хорош по теме,
Но плохо выполнен — так признаётся
всеми...

Когда портной берёт хороший матерьял
И с помощью иглы и нитки
Шьёт отвратительный наряд,—
Его за это не благодарят,
А взыскивают за убытки!

АРГО

ВЕРМАГ КОДИЛА

Отдел радиоприборов предлагает любителю заокеанского вещания, патентованный утюг-приемник для слушания передач «Голос США».

Из новинок музыкального отдела всеобщее удивление вызывает усовершенствованный «Атомьянофон», исполняющий все виды музыкальных произведений, сочиненных редактором, директором издательства и директором Музфонда — Атомьяном же.

С интересом рассматривают покупатели в отделе галантереи всевозможные ленты. В отличие от кинолент они радуют глаз своей яркостью.

Приютившийся в универсаме киоск Бориса лавренова предлагает театрам компасы, дающие возможность ориентироваться в океане спектаклей «За тех, кто в море».

В отделе «Всё для судопроизводства» имеется большой выбор долгих ящиков. Поклонники заграничного найдут в аптекарском отделе универмага много товаров на свой вкус: настоящую английскую соль, венское питьё и даже капли датского короля.

Д. ДАНИН

Вот уже два года целых
Пишет он, как в забытии,
О поэтах незрелых
Скороспелые статьи.

ВИЛЬЯМ-ВИЛЬМОНТ

Едва взмахнёт Вильям-Вильмонт
Своим пером критическим,
Как вмиг затмится горизонт
Туманом эклектическим...
Хотя свою чернильницу
Он превратил в кадиллици,—
Трепещут все, кому Вильям
Курить собрался фимиам.

В. КИРПОТИН

Его статьи идеями богаты:
В них есть хорошие цитаты!
Сергей ШВЕЦОВ

НА ХОДУ

— Пошто так байшь!
— Чаво?
(Из одной якобы колхозной повести)

Прошёл сочинитель
колхозников около,
И книгу перо его
вмиг начавокало.

ВОТ В ЧЕМ СОЛЬ

Некоторые артисты эстрады, не имея на это данных, требуют сольных концертов.

Иные сольною игрой
Хотят блеснуть... Но хорошо ли? —
Концерты сольные порой
Нам преподносятся без соли.

СРЕДИ ДРАМАТУРГОВ

— Н. пьесу написал, я слышал,
Три действия и семь картин...

— Конфликты есть?
— Да есть один:
Увы, конфликт с театром вышел!

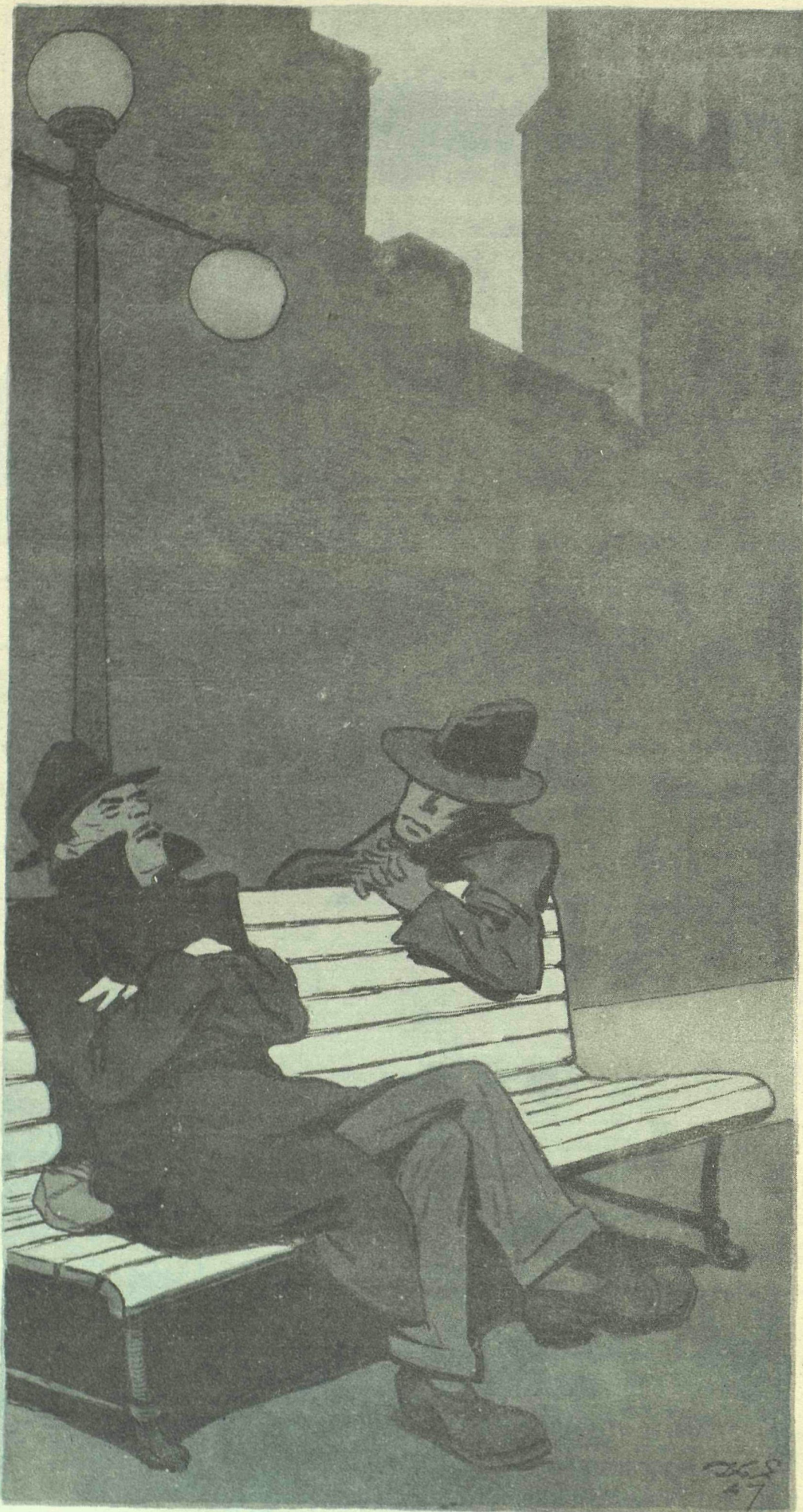
В. ГРАНОВ

ПОРТРЕТ

Ходил в «крестьянствующих» смело —
Унылый лик, прямой пробор;
И в виде трактора имел он
Настольный письменный прибор.
Обложка книг его — в ряднице
(Колосья ржи на них шумят!),
Но в них колхозники поныне
Не ночевали, говорят.

И. НИКАНОРОВ

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

— У нас в Соединённых Штатах все равноправны. И Рокфеллер имеет право ночевать на бульваре и мы, безработные. А если Рокфеллер своим правом пользоваться не хочет, это — его личное дело!

Иван МОЛЧАНОВ

ИНТЕРВЬЮ С ВЕСНОЙ

В шестом часу, после обеда,
В Покровской роще, у пруда,
Вчера Ваш корр. имел беседу
С Весной, прибывшею туда.

Сбегай травами с откосов,
Весна — лучиста и светла —
На ряд поставленных вопросов
Ответы ясные дала.

Она сказала, между прочим,
Что ожил с ней лесной простор,
Что в честь её в бору сорочьим
Сложил кантату птичий хор.

И вслед за пеньем своевольным
Весну, пронырлив и горяч,
Успел донять концертом сольным
Один весьма бездарный Грач.

Щеглы ей не дают покоя:
Слагают вирши, в дар неся
«Весну — сосну»... и всё такое —
Легко рифмующеся.

Кинороботник шумной рощи —
Цветистый Дятел — гостье рад.
(Весной январскую порошу
Летит снимать... в Сталинабад.)

Творец изящной прозы Совка
Весну приветствует всерьёз
(Берёт в дом отдыха путёвку,
Напишет повесть про колхоз!).

Кулик — лихой кооператор —
Весны приходом подбодрён:
Московско-окских местных раков
Ловить в Саратов едет он!

Завмаг Кукушка трёт макушку:
— Весна и солнца! Благодать!..
(Под этим солнцем и «усушка»
Пройдёт законно, так сказать...)

А Сыч — хозяин дачи здешней —
Весне шепнул: — Возьмём своё!
(Он сдаст и домик,
И скворечню,
И голубятню — под жильё!)

Без суеты и волокиты,
Приняв текущие дела,
Весна хозяйкой домовитой
В леса весенние вошла.

Её заботу понимая,
Скворец статейку написал;
— Люблю весну в начале мая,—
Сказал
И скромно замолчал.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Имя его было вписано золотыми буквами в историю пары калаш.

Это был мастер на всякого рода начинания. Довести что-либо до конца ему никогда не удавалось.

Если бы все хватали звёзды с неба, не было б звёздных ночей.

Подсунул врачам чужой рентгеновский снимок и радовался, что у него не нашли никакой болезни.

Познакомься он с самим Наполеоном, он на второй день знакомства звал бы его «Наполеошей».

Ум его походил на электросчётчик с ограничителем: он автоматически выключался, как только нагрузка оказывалась слишком большой.

Так интересовался кухней творчества, точно собирался писать поваренную книгу.

Снялся в моментальной фотографии для того, чтобы подарить фотокарточку на вечную память.

М. ЯКОВЛЕВ.

ГОРЬКАЯ УЧАСТЬ

ВЕСЕННИЙ московский вечер. Прелестный, но холодный—с быстрыми облаками на небе, с можайским льдом на реке, со свежим, порывистым ветром, от которого приятно стыннут щеки и некрасиво краснеет нос.

Я иду в кино со своей племянницей Зиной, студенткой первого курса.

Я выполняю свой родственный долг.

Впрочем, я должен признаться, что люблю бывать с Зиной в театре, в кино, в кафе и в других общественных местах.

Дело в том, что моя племянница Зина—очень хорошенькая девушка, просто красавица, а я... тщеславец, как павлин.

Мне приятно шагать рядом с Зиной и слушать завистливый шопот уличных пижонов:

— Смотри, смотри, какая девушка!

— Интересно, кем ей приходится этот резвый старикашка?

Итак, мы идём с Зиной в кино. Резвый старикашка, то есть я, настроен очень весело. Я легкомысленно машу палкой и бодро топая калошами по стылым лужам. А красивая Зина плетётся рядом, грустная и ужасно несчастная.

Я несу всякий вздор, острою, хохочу. Зина молчит. Изредка она лишь глубоко вздыхает.

Я не выдерживаю:

— Что с тобой, Зина?

— Ничего, дядя Федя... так... вообще... настроение!..

— Ты, может быть, влюбилась не в того, кого надо?

— Да ну вас, дядя Федя, с вашей любовью, ей богу!..

— Послушайте меня без гнева, сменит не раз молодая дева мечтами лёгкие мечты!..

— Какие могут быть мечты, дядя Федя, когда у молодой девы сейчас зачётная сессия!

— Значит, молодая дева провалила биологию! Да?

— Ничего подобного! Пятёрку получила молодая дева по биологии. Лучше всех сдала! Вот вам!

Мы останавливаемся перед уличным зеркалом универмага, оглядываем себя с головы до ног, и я говорю:

— Человеку восемнадцать лет! Человек получил по биологии пятёрку! У человека такая наружность. И человек мрачен, как колумбарий. В чём дело, товарищи?!

Зина сердится:

— Обязательно нужно вам мою наружность задеть, дядя Федя! Наружность у меня самая обыкновенная! Ничего в ней нету интересного!

Я охотно соглашаюсь с Зиной:

— Конечно, ничего нет интересного! Взять хотя бы твои глаза! Вот если бы они были маленькими, узкими, гляделками чудного бутылочного цвета, с очаровательными белыми, поросычыми ресницами—вот тогда это было бы интересно. А у тебя они какие-то несуразно громадные, какого-то золотисто-карего, неправдоподобного цвета, а ресницы кошмарно длинные, да ещё зачем-то загнуты кверху! Правильно, Зина,—ничего интересного!

Бледное подобие улыбки появляется на красивом скорбном зинином лице.

— Моя наружность—это моя горькая участь!—говорит Зина.—Если хотите знать, так у меня и настроение плохое из-за моей наружности!

Мы идём дальше, и Зина изливает мне свою душу:

— По биологии получила пятёрку, выхожу в коридор. Подходит Нина Хворобьева: «Ну, как?» «Пятёрка!» «Так и знала!» «Что ты хочешь этим сказать?» «Он же к тебе равнодушен,—биолог. Это все замечают!» «Дура ты, Нинка! Я ему без записки весь билет одним духом ответила». «Знаем мы ваши ответы. Небось, плялила на него свои глазницы, вот он и растаял. Ответила на троечку, а глазницами до пятёрки дотянула». Разве это не обидно, дядя Федя? И ведь так всегда!

Мы пересекаем площадь, но Зина никак не может успокоиться:

— Недавно мой портрет поместили в студенческом журнале. Как отличницы. Это ведь приятно, правда, дядя Федя?

— Приятно, Зина!

— И опять мне Маня Волгина всё настроение испортила. Знаем, говорит, почему тебя напечатали. Я говорю: «Напечатали потому, что у меня общественное лицо

хорошее!» А она говорит: «Только не общественное, а физическое, и не хорошее, а хорошенькое. Фоторепортёр не устоял перед вашей красотой». И хохочет, как змея! Разве не обидно! И так на каждом шагу, дядя Федя! Недавно наши девушки хотели на «Молодую гвардию» попасть в театр. Пошли, но билетов не достали. А я пошла, и случайно мне досталось. Так они сказали: «Ясно, почему ей досталось. Наверное, пошла к администратору, выплялила на него свои глазницы и улыбулась. Он и растаял». А я, дядя Федя, честное слово, ни на кого не плялилась и никому не улыбулась.

Наконец, мы приходим с Зиной в кино. В вестибюле народу мало. Радостно я иду к кассе и вижу роковой плакатик: «Билеты все проданы».

Хмурый администратор в ответ на мои просьбы, мольбы и причитанья говорит коротко: «Ничего не могу сделать!»—и с треском опускает своё окошечко. Что делать? Не возвращаться же домой?

— Попроси ты, Зина!—говорю я племяннице.—Попроси, тебе он не откажет!

— Почему он мне не откажет?—нервно спрашивает Зина.

— А ты... это... посмотри на него своими глазницами... и это... улыбнись... ему один разок, Зина! Ну что тебе стоит! Картина, кажется, интересная. Обидно уйти, не солоно хлебавши!

Зина смотрит на меня долгим, уничтожающим взглядом.

«И ты, Брут!»—говорит мне этот взгляд.—Давайте деньги!—вздыхнув, заявляет Зина.

Через три минуты она возвращается улыбающаяся, радостная.

— Не дал!—сияя, говорит Зина.—Я ему улыбулась и он мне улыбулся. А потом взял и сказал: «Билетов всё равно нет!» Молодец какой, умница!

Смущённый, я прячу деньги в карман, и мы выходим из кино на улицу.

Теперь я молчу, а счастливая Зина хохочет и трещит безумолку, как канарейка на солнце. И свежий, порывистый ветер дует нам в лицо.

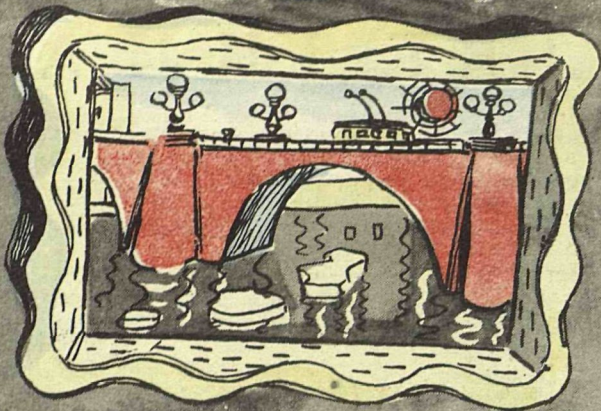
ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ...

Подписчики журнала «Сад и огород» до сих пор не получили ни одного номера за 1947 год.

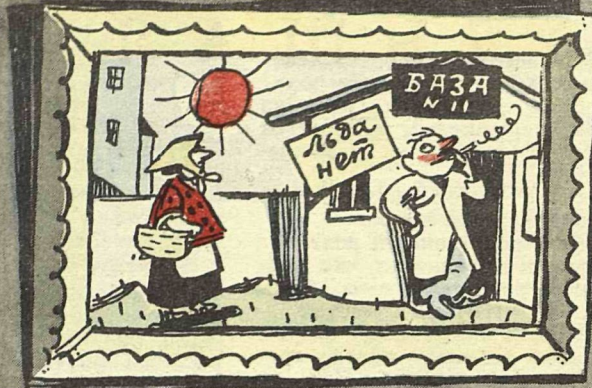
Запоздалые всходы.

Рис. Е. ЕВГАНА

ХУДОЖНИК И ТЕМА (Две трактовки одного сюжета)

А. Пейзажников.
ПОСЛЕДНИЙ ЛЕД

Н. Полуватманов.
ПОСЛЕДНИЙ ЛЕД

А. Пейзажников.
ПЕРВАЯ ГРОЗА

Н. Полуватманов.
ПЕРВАЯ ГРОЗА

А. Пейзажников.
В ЗАПУЩЕННОМ ПАРКЕ.

Н. Полуватманов.
В ЗАПУЩЕННОМ ПАРКЕ

ЧУДО-ПЕТУХИ

Вечный спор: кто от кого произошёл, — курица от яйца или яйцо от курицы, — близок, наконец, к разрешению. Работы некоторых наурских птицеводов будут, вероятно, способствовать решению этого спора.

Вопрос скорей всего будет решён так: куры к яйцам никакого отношения не имеют.

Убедительные доказательства этого нового положения получены в наурском колхозе «Культурник Терека». Здесь произошла совсем невероятная история. На ферме, согласно бухгалтерскому отчёту, оказались исключительно петухи. Их мирно резали и поедали. В большом количестве держать петухов на ферме бессмысленно, бесполезно.

Но вот совсем недавно обнаружилось, что наурцы поедали не обыкновенных, а чудо-петухов, которые умудрились за год... снести по 86 яиц каждый.

В Наурской, как видите, неслись не куры, а петухи.

А случилось это вот как: бухгалтер колхоза В. Колесникова, когда составляла годовой отчёт, напряжённо трудилась и, чтобы поддержать своё здоровье, питалась курочками. Две — три курочки, при этом самых лучших, заключала её скромный дневной рацион. И вот, когда составление годового отчёта близилось к концу, пришла встревоженная птичница и говорит:

— А как быть с курами? Ведь резать их нельзя было. Теперь отвечать придётся.

— Не придётся отвечать, — улыбаясь, сказала Колесникова, — мы курочек превратим в петухов.

И превратила! Из одной графы были вычеркнуты 434 курицы, а в другой появилось такое же количество петухов. А петухи, да ещё в таком количестве, как мы уже писали выше, колхозу ненужны. Вот их и резали. На совершенно законном основании.

Когда все графы были уже заполнены и отчёт подписан, выяснилось, что в кладовой заприходовано по 86 яиц от каждого петуха.

Так наурские петухи начали нестись. Вопреки законам природы. Но по всем правилам двойной бухгалтерии.

Е. ЛУБИН

г. Грозный.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

ЕЩЕ сидя в поезде, журналист детально продумал свою тему.

Вот почему журналист прямо с вокзала побежал в соответствующее учреждение, быстро добился приёма и начал:

— Я знаю, товарищ Шиндов, что вы руководите очень важным отделом. Вы помогаете колхозам составлять свои пятилетние планы. Посоветуйте мне, в таком случае, такой район, который...

— Всё ясно! — перебил тов. Шиндов журналиста. — Более блестящей темы и не придумать! Вы хотите поехать в район, где большинство колхозов составили свои пятилетние планы. Чудесно! Ура! Уяр!

Журналист был растроган.

— Ура! Уяр! — ещё раз повторил Шиндов. — Всё.

Он дал понять, что аудиенция на этом кончилась. Но куда всё-таки ехать? В какой район?

— Я же вам сказал, — пояснил так же учтиво Шиндов. — Уяр! 29 колхозов в районе — и 29 составленных пятилетних планов. Поезд отправляется ежедневно вечером в 8.40.

Есть люди, которые родились не под одной звездой, а под целым счастливым созвездием. Под Большой Медведицей. Журналист мечтал найти район, где есть десять колхозных пятилетних планов, и вдруг оказывается, что в далёкой Сибири, в Красноярском крае, в одном районе 29 пятилеток!

Через полчаса журналист был уже на городской билетной станции. Впереди в очереди человек средних лет. Разговорился. «Тоже в Уяр?» «Да». «В командировку?» «Нет, я тамошний». «Очень приятно, — значит, попутчики!»

Обменялись ещё несколькими словами. Попутчик, — оказывается, секретарь Уярского районного комитета партии. Опять Большая Медведица: можно начать работу, не отходя от кассы!

— Хочу, так сказать, прославить район... — начал журналист. — Написать о вас... — Как?

— Район колхозных пятилеток... Такие примеры инициативы надо поднимать на щит.

— Гм... Гм...

— А как это у вас началось? — продолжал допытываться литератор.

Но тут произошло нечто совсем неожиданное. Секретарь райкома начал вдруг

при всём честном народе читать нотацию журналисту. «Это, — говорит, — у вас обычная манера обращения или только со мной? Почему вы иронизируете? Я и сам хотел бы, чтобы все колхозы скорее составили свои планы, но если не удалось? Если ни одного плана нет. Так что же из этого следует! — и суёт в окошечко деньги: как раз его очереди подошла: — Уяр, один плацкартный».

Дальше события развиваются в молниеносном темпе. Ибо журналист тоже достиг окошечка. Народ напирает. Купить, не купить? Ехать, не ехать?

— Девушка! Один Уяр, плац... Нет, подождите, девушка... Так вы серьёзно говорите?!

А сзади шум, крики:

— Кто там торгуется?

— На улицу разговаривать!

Билет, конечно, пришлось купить: где тут успеть ориентироваться? Денег не жалко. Но обида какая! Ответственное учреждение — и такую чушь сказали. Что планируют эти люди, если самого важного не знают?

Они идут рядом — журналист и секретарь — по тихим улицам Красноярска и мирно беседуют. Все недоразумения выяснились, претензий друг к другу нет никаких. Секретаря интересует только одно: кто дал эти нелепые сведения?

Но подрывать престиж краевого отдела сельского хозяйства? Шиндова — в особенности? Нет, на это литератор не мог решиться.

— Ну, мне направо.

— А мне налево.

Только стали прощаться, подходит председатель Канского исполкома Алексеев. Поздоровались, познакомились. Ему тоже направо.

С чего должна была начаться беседа новых знакомых? Конечно, с рассказа журналиста о его неудаче.

— Что же, — смеётся Алексеев. — У меня нет «района сплошных пятилеток», но из 46 колхозов в 25 или 26 планы всё же есть.

— Компенсируете, значит, меня? — обрадовался журналист.

— Чем богаты...

— Ура! Канск!

Опять приветливо улыбается Большая Медведица.

... И вот через три дня журналист открывает дверь кабинета тов. Алексеева.

— Привет, председатель!

— А-а... здравствуйте... — поднял он голову от бумаг и опять углубился.

Никогда не следует мешать занятому человеку. Сидит журналист, едва дыша, боится спичкой чиркнуть...

— Да... Что скажете, товарищ!

— Не узнаете? 25 или 26 пятилеток... Помните?

Слава богу, вспомнил! Улыбнулся даже.

— А... Можно. Сейчас узнаем...

Нажал на кнопку, выскочила девушка, вслед за ней — лысый высокий мужчина.

— Наш райплан.

Блестяще! В самую точку. Без райплана какое может быть планирование в колхозах! Значит, всё в порядке.

Звонок. Девушка. Агроном райсо.

Но опять заминка. Агроному экспромтом сказать, сколько составлено пятилеток, — трудно. Тут подумать надо, тут в документы посмотреть надо.

Сидят. Ждут. Солнышко выглянуло, птичка радостно вспорхнула с подоконника.

— Нет, не нашёл, — докладывает вернувшийся агроном.

— Что не нашли? — вскакивает журналист. — Документы?

— Нет, пятилеток не нашёл...

* * *

Ну вот, поставлена точка. Грустный рассказ о Большой Медведице окончен.

Но точно ли он грустен? Заранее можно предвидеть, какое он произведёт впечатление в Красноярске.

— Чудак журналист, — скажут. — Куда он полез? Поезжайте в Идру, поезжайте в Берёзовку, в Новосёлово поезжайте или в десяток других районов, и вы найдёте там то, что нужно было. Не поскупились, наконец, на расходы и вернитесь обратно в Канск, к Алексееву: и там, в «Заветах Ильича», давно составлен пятилетний план, один из лучших в крае...

Шиндов, конечно, всего этого не знает. Спрашивается: а что же он знает?

Красноярск — Канск.

РЫЦАРЬ НА РАСПУТЬЕ...

Рис. Л. СОЙФЕРТИСА

— Купить — сотней пахнет! Сорвать — пахнет штрафом!

НЕ ПО ПОГОДЕ

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ЭКС. ЭКЗ.
1947

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— А эти несколько человек почему по-зимнему одеты?
 — Они, должно быть, ещё только февральскую программу выполняют.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 49, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедневно в 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал—3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 270. Подп. к печати 22/IV 1947 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1 1/2. Коль. зн. в 1 печ. л. 78 000.
 А — 01473. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Тираж 150.000 экз. Заказ № 1163.